

– Упаси Иисусе! – отвечал сэра Гавейн: – Но если я найду его, то непременно узнаю.

И с тем сэра Гавейн, взяв с собой оруженосца, сел на лошадь и объездил на шесть миль всю округу Камелота, но так и возвратился, не узнав про него никаких известий. А через два дня король Артур и вся его дружина отправились обратно в Лондон. И на возвратном пути случилось сэру Гавейну стать в Астолате на ночлег у того самого сэра Барнарда, у которого останавливался сэра Ланселот.

И вот когда сэра Гавейн удалился на отдых, сэра Барнард, старый барон, явился к нему в покой вместе со своей дочерью Элейной, чтобы приветствовать и расспросить его о новостях и о том, кто завоевал первенство на турнире в Винчестере.

– Да поможет мне Бог, – отвечал сэра Гавейн, – там были два рыцаря с белыми щитами, и один из них еще носил красный рукав на шлеме, и он-то как раз и выказал себя лучшим из всех рыцарей, кого я когда-либо видел на турнирном поле. Ибо, думается мне, – сказал сэра Гавейн, – этот рыцарь с красным рукавом один сокрушил сорок рыцарей Круглого Стола, да и его товарищ тоже бился славно и искусно.

– Слава Господу, – сказала Прекрасная Дева из Астолата, – что этот рыцарь так преуспел на турнирном поле! Ибо он – первый, кого я полюбила в жизни, и, клянусь, будет последним, кого я когда-либо люблю.

– Вот как, прекрасная девица? – сказал сэра Гавейн. – Значит, этот добрый рыцарь – ваш возлюбленный?

– Именно так, сэра, – она отвечала, – он мой возлюбленный.

– Тогда вам известно его имя?

– Нет, сэра, – отвечала девица, – имя его мне не известно, и откуда он к нам прибыл, я тоже не знаю, знаю только, что я люблю его, и в этом клянусь перед Богом и перед вами.

– А как же вы с ним познакомились? – спросил сэра Гавейн.

7

И она рассказала ему все, что вы уже слышали, и как ее отец послал с ним ее брата служить ему, и как он отдал ему щит ее другого брата, сэра Тиррея.

– А здесь у меня он оставил свой щит.

– Для чего же он так сделал? – спросил сэра Гавейн.

– Для того, – отвечала девица, – что его собственный щит хорошо знаком всем благородным рыцарям.

– Ах, благородная девица, – сказал сэра Гавейн, – не соблаговолите ли вы дать мне взглянуть один раз на этот щит?

– Сэра, – она отвечала, – он у меня в комнате, покрытый чехлом, и если вы последуете за мною, вы его увидите.

– Нет, нет, – сказал сэра Барнард своей дочери, – лучше пошлите за этим щитом.

Когда же щит был принесен, сэра Гавейн снял с него чехол, и когда он увидел щит, он сразу узнал, что это щит сэра Ланселота и его герб.

– А, милосердный Иисусе! – воскликнул сэра Гавейн. – Теперь на сердце у меня еще тяжелее, чем было прежде.

– Отчего? – спросила девица Элейна.

– На то есть немалая причина, – отвечал сэра Гавейн. – Значит, рыцарь, которому принадлежит этот щит, и есть ваш возлюбленный?

– Да, воистину так, – она отвечала, – его я люблю. Молю Господа, чтобы и он меня любил!

– Пошли Бог вам удачи, – сказал сэра Гавейн, – прекрасная девица, ибо вы правы, ведь если ваш избранник – он, значит, вы любите благороднейшего рыцаря в мире и мужа величайшей славы.

– Я и сама так думала, – сказала девица, – ибо ни один знакомый мне рыцарь прежде не внушал мне любви.

– Дай Господи, – сказал сэра Гавейн, – вам вкусить радость друг с другом, но только это весьма сомнительно. Однако воистину, – сказал сэра Гавейн девице, – можно сказать, что вам выпала удача, ибо, сколько я знаком с этим благородным рыцарем, а тому вот уже двадцать четыре года, никогда прежде ни я сам и никто из рыцарей, ручаюсь, тоже не видел и не слышал, чтобы он